

*Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой...*

Е. Агранович

1

Апрель 2015 г. Алексею Урюпину не спалось. Вот уж окно робко начало светлеть, утро на дворе, а он все ворочался, пытаюсь найти удобное место на подушке кудлатой сидящей своей голове. Мысли навязчивые, неотступные, не текли, а бились беспорядочными толчками. К чувству неизбывной досады примешивалась злость на самого себя, на невозможность изменить что-либо, исправить. Мучил, давил один и тот же вопрос: «Как же так? Как могло случиться, что о родном своем дяде, в честь которого тебя нарекли Алексеем, ты не знаешь буквально ничего, кроме того, что сгинул он где-то на войне не то в сорок первом, не то в сорок втором? И ничего — ни фронтового треугольника, ни фотографии, ушел из жизни — и ни малейшего следа, ни малейшей отметины на земле? Как же допустил ты такое? Почему не пытался узнать, не отыскал следы эти? Ну да, ну, конечно! Сейчас будешь оправдываться, что всю жизнь пахал, как вол, днем на стройке, ночью за учебниками. Что стройка эта растянулась на без малого полсотни лет, что полгорода, считай, не без твоего участия построено. А что, не так

разве? Орден а же не задаром дають, и степені ученую, и звание заслуженного строителя страны, и главенство в крупнейшем строительном холдинге, между прочим, тоже».

Чувство досады и неудовлетворенности, однако, не проходило, и Алексей Егорович, давно привыкший к незыблемому порядку в делах и в собственной душе, ныне напротив беспокойно ворочался и тяжело вздыхал.

Началось все со вчерашнего визита снохи с любимыми его внуками-близнецами Витькой и Митькой. Те засыпали деда ворохом рассказов, десятками вопросов, причем, когда говорил один, второй дергал от нетерпения брата за рукав, ожидая хоть малейшей паузы, чтобы завладеть разговором.

— А еще, деда, нам фотографии нужны срочно, Нина Ивановна так и сказала, чтобы каждый принес фотографию деда, который был на войне...

— Да не обязательно деда, — перебивал другой, — можно просто родственника... мы с этими фотографиями по городу пойдем...

— Это будет называться «Бессмертный полк», надо, чтобы в пилотке военной и гимнастерке...

— В какой гимнастерке? Можно и в шинели. Главное, чтобы с медалями на груди...

Алексей Егорович давно понял суть просьбы, слышал, что в каком-то сибирском городе уже проводилась такая акция, и был немало озабочен.

— Тут, ребятки, вот какое дело, нет у нас фотографий нужных... Нет, да и не было никогда, наверное. Прадед ваш, Егор Тимофеевич, отец мой, значит, в войну совсем парнишкой был, всю войну на паровозе кочегаром. Однажды даже под бомбежку угодил и контужен был сильно, но на фронте он не был и форму военную не носил никогда. Его и после войны в армию не взяли, как раз из-за той контузии.

— Да как же так, у всех воевали, а у нас нет? — в голосе Витьки неприкрытое разочарование.

— Весь класс пойдет, а мы...? — Митькины глаза наполнились влагой.

— У Кольки Уварова оба деда на войне, знаешь, сколько медалей получили, он уже приносил фотки в класс. И у Верки Пермяковой прабабушка санитаркой на войне была.

— Ну, это вы бросьте! Как это не воевали — а дядька мой, дядя Леша Урюпин, еще как воевал! И погиб смертью храбрых. Мне еще моя бабушка показывала похоронку. Там так и написано: «Пал смертью храбрых». Давно это было, я еще в школе учился, наверное, как вы был. Только, где она, эта похоронка, может, с перездами затерялась, а может, сгорела...

— Нам бы хоть одну маленькую фотку, — продолжал еще на что-то надеяться Витька.

— Да какие там фотографии, это у вас сейчас и телефоны, и планшеты — снимай сколько угодно, а тогда на всю деревню, где дядя Леша жил, ни одного фотоаппарата, не говоря уже о фотоателье.

— Да-а, — Митька сник окончательно.

— На фронте видать, тоже не до фотографий было, да и воевал он, судя по всему, недолго, говорю же, погиб вскоре.

...**Июль 1943 г.** Алексею Урюпину не спалось. Ночь была не по-летнему холодной. Вызванный обильной росой озноб залезал в рукава, проникал за воротник шинели, а сырой ветер пронизывал, казалось, до самых костей. Стриженной головой под тяжелой каской было так же неудобно и зябко.

Алексей всего три дня назад прибыл в полк, а уже вчера после обеда — на передовую. Где-то в глубине души он сам понимал, что колотило его не только от ветра

и холода, и под ложечкой сосало не только от хронического недоения в маршевой роте, в составе которой он двигался к фронту. Вместе с холодом в душу вползал липкий, несвойственный его бесшабашной натуре страх. Страх перед первым в его жизни настоящим боем, перед жуткой чертой неизвестности, и тем, что за грань эту не заглянуть. Он пытался подтрунивать над собой: «Как же так? Первый парень в своем Красном городке. Кулачищи как у молотобойца. Без боязни лез в любую драку, хоть один против десятерых. Эх! Леха-Леха, чего ж тебя щас-то трясет, как в лихоманке? Господи, уж быстрее бы утро!»

Впрочем, какая уж там неизвестность? Когда все и так как дважды два ясно. Либо в первом же бою шлепнут, либо в медсанбат. Еще неизвестно, что лучше. Несколько новобранцев из их пополнения по прибытии в полк, не успев распределиться по подразделениям, были брошены как раз в медсанбат, для помощи штатным санитарам. Алексей попросту содрогнулся от увиденного, от безмерного человеческого страдания. Полки их дивизии уже три дня сдерживали наступление фашистской армады, оставляли окопы и отодвигались на запасные позиции. Перед линией наших окопов громоздились, исходя едкой гарью, десятки танков с черными крестами, поля были усеяны трупами немцев, но они, невзирая на колоссальные потери, все перли вперед в надежде прорвать нашу оборону на южном флесе Курской дуги. Непрекращающийся поток машин и конных повозок целый день вез и вез раненых к палаткам медсанбата. Казалось, все было переполнено кровавой мутью, жуткими стонами вперемежку с матом. На подламывающихся от усталости ногах, почти не останавливаясь, Алексей таскал окровавленные носилки, а на них чаще всего такие же, как он, юнцы, безжалостно изуродованные, с искаженными гримасой боли лицами. Многие не дотягивали до операционного стола и затихали уже на носилках, под сенью соснового бора, где не свистели пули и земля не тряслась от оружейных разрывов. Запомнился сержант, на котором не было ни царапины, но контуженный настолько, что какая-то черная слизь текла у него из носа, рта, ушей. Зажав ладонями голову, он натужно мычал, налитые кровью глаза и принявшее фиолетовый оттенок лицо, казалось, вот-вот взорвутся от распившей внутренней боли и напряжения. Неожиданно сержант резко дернулся и завалился на бок, так и не отняв рук, стискивающих виски.

— Ну, что ж, и так бывает, — заметил со знанием дела старый усатый санитар, пытавшийся свернуть негнущимися пальцами козью ножку. — Снаружи цел-невредим, а нутре все разбито. Видать, лопнули струны жизненные. Отмаялся болезный.

В роте Алексея приняли хорошо. Узнав, что он окончил двухнедельные курсы пулеметчиков и целых два раза стрелял по мишеням, его определили вторым номером к ефрейтору Суроваткину. Тот был не намного старше Алексея, но успел повоевать, на груди орден Славы и медаль «За отвагу». Когда Алексей сноровисто управился с котелком каши, Суроваткин порылся в своем «сидоре» и выставил перед новичком банку американской тушенки и пачку трофейных немецких галет. Вздыхнул тяжко: «Откуда ж ты такой худой и высокий. Худого-то мы откормим, а вот как такая жердь в окопе будет торчать, да еще у моего правого плеча? Эх, парень! Третий ты у меня во вторых номерах, и это всего за полтора месяца!»

К Алексею подошел пожилой боец с автоматом, из-под распахнутой на груди гимнастерки неожиданно выглядывала морская тельняшка. Стянул пилотку, вытер ею круглую, почти полностью лысую голову, поскреб недельную щетину на тугих щеках. Алексей заерзал от его пристального взгляда и глуховатого голоса:

— Так, ясно все! Пороха не нюхали, немца не видели, за спиной четыре класса деревенской школы под Рязанью, курс бойца — и мы на передовой! Звать-то тебя как? Алексей? Леха, значит... Не из-под Рязани, из-под Тамбова? Ну, прости, не

угадал малость. А я — боец Соколов, но больше «дедом Серегой» зовут, что и тебе не возбраняется.

Дед Серега выглядел старше окопной молодежи, на самом деле ему было за сорок с небольшим. Позднее Алексей узнает, что тельняшка у деда из гвардейского стрелкового полка не случайна. Был он когда-то морским офицером, служил на Севере, но в самом начале войны загребел под трибунал за отказ выполнить приказ взорвать свой торпедоносец, чтоб не достался немцам. Его примеру последовали и другие, и смогли прорваться, и ушли в открытое море, но посадили только его. Дед был рад, что не сплелули. Потом был лагерь, штрафной батальон, ранение и вот теперь гвардейская пехота-матушка. Позже он признался Алексею, что море любил безмерно, но возвращаться сейчас туда не хотел. Слишком саднили еще нанесенные обиды, да и тот, кто отдавал нелепейший приказ об уничтожении кораблей, а потом о передаче его дела в трибунал, стал при больших чинах во флоте, был злопамятен и свидетелей своего не слишком героического поведения в 1941-м рядом с собой не терпел.

Дед Серега перевел взгляд на ефрейтора, и глаза потеплели: «А это Сеня Суроваткин, с Урала, геройский, я тебе скажу, пулеметчик. Мой друг!» — заключил со значением.

— Познакомились уже, — потрескавшиеся заветренные губы пулеметчика тронула улыбка.

— Тогда слушай приказ, боец, как там тебя? Ну да все равно. Запомни — три «не»: не высовывайся, не лезь поперед батьки в пекло и никогда не дрейфь! Держись за нас с Семеном — может, и поживешь тогда. Уяснил? — дед Серега замолк на полуслове, уронил тяжелую голову на грудь и через минуту с надрывом всхрипывал. Суроваткин заботливо сдвинул его в нишу окопа, и дед захрапел вволю, во всю мощь своего богатырского организма. Проходивший по окопам ротный, приостановился на секунду: «Потише, дед, потише, лошадей разбудишь!» Поправил на спящего Соколове шинель и двинулся дальше...

Сейчас дед тоже спал, вдавив спину в нишу окопа, храпел размеренно, а на щетинистом подбородке и шее то ли седина, то ли роса блестит. Суроваткин, подтянув колени к груди, с головой укрывшись шинелью, спал не так безмятежно, иногда вздрагивал, бормотал невнятно.

«Неужели они не боятся? Неужели им не страшно? — клацал зубами от холода Алексей.

Подробности того первого боя он припоминал смутно. Знал только, что незадолго до его появления на передовой немцев, наконец, удалось остановить, и теперь самим предстояло перейти в наступление. Вой снарядов и глухие разрывы на передней линии немецких окопов не стихали. Не дожидаясь прекращения артподготовки, пехота поползла в сторону немцев, сокращая расстояние для броска. Леха, оглохший и ошеломленный, тянул за собой станину пулемета и снаряженные коробки с пулеметными лентами к заранее облюбованному Суроваткиным пригорочку на ничейной полосе.

Тот играл желваками, беззвучно матерился и торопил Алексея. Улыбка тронула лицо ефрейтора лишь тогда, когда понял, какую удачную позицию выбрал; не велик пригорок, а линии немецких траншей как на ладони. — Шчас, Леха, мы им сыпанем под хвост! Давай, дуй назад, тащи два бидона с водой и патроны оставшиеся волоки, шчас тут дюже жарко станет. Да пригнись, ты, дубина стоеросовая, жмись к земле!

Потом они меняли позицию еще дважды, поддерживая роту, которая ввалилась уже во вторую линию окопов. Ствол раскалился, в кожухе кипела вода.

Третья позиция оказалась самой неудачной: не успели сделать первую очередь, как на пулеметчиков обрушился шквал огня. Урюпину казалось, что все пули

летят именно в него и, прижавшись к земле щекой, он туло мычал, ожидая конца. Пули рвали скатку шинели на спине, цвинькали по каске и выбивали песок и кремень перед самым лицом. К ним начал пристреливаться немецкий миномет, и тогда Суроваткин потянул Лешку в сторону, к ближайшей воронке. Через минуту, чуть приподнявшись, пояснил сжавшемуся в комок на дне воронки своему второму номеру: «Все, хана пулемету — вдребезги! Да-а, хороша бы вышла нам с тобой братская могилка, аккуратная, глубокая и круглая». На месте, где они только что лежали, курилась развороченная земля.

Вечером уже в третьей линии отбитых у немцев окопов пришел Соколов, долго чистил саперную лопату песком, лицо в грязных потеках было посеревшим и осушившимся.

— Чо, дед, укатали сивку крутые горки? — разлепил спекшиеся губы Суроваткин. Не отвечая на вопрос, тот кивнул на Алексея. — Как он?

— Ничего, подходяще. В бою, правда, на немтыря смахивает, за целый день от него ни одного слова не услышал, мычал только.

— Мычал, говоришь? Тоже неплохо, даже лучше, чем языком трепать. Ну, давай, с крещеницем тебя, Алексей Батькович. — Дед разлил в пыльные крышки от котелков трофейный коньяк из немецкого офицерского блиндажа. Лешка впервые за этот бесконечный изнуряющий день улыбнулся широко и открыто, радуясь, что бой кончился, что он живой и рядом друзья.

Подошел ротный, присел с ними, проговорил незлобливо: «По какому случаю торжество? Что, Суроваткин, никак поминки по своему пулемету решил справить? Не ожидал от тебя такого, не сберег военное имущество, где-то промахнулся малость. У тебя же опыта не занимать. Ну, да ладно, чего уж там? Завтра вместе с молодым к начальнику вооружения полка и дальше по нисходящей, без пулемета чтоб не возвращались. А в общем, молодцы вы у меня, ребята, молодцы. Представление на тебя, Суроваткин, замполит уже написал, и на тебя, Сергей Владимирович, тоже. А ты, молодой, учись».

— А что, Сергей Владимирович? — Ротный всегда помнил, что дед Серега был когда-то в офицерском, повыше его, ротного, звании, и обращался по имени-отчеству. — Неужто невдомек, чего это командир роты тут рассиживается? Ну, раз понял — наливай... Да не жмотничай, чего ты там цедишь, видишь поди, какой я усталый, прямо-таки весь вымотанный за день.

2

Сентябрь 1943 г. Батальоны 127-го гвардейского стрелкового полка пешим маршем продвигались степными дорогами левобережной Украины. Позади почти 400 километров от Курска до Днепра, позади череда сражений, то на острие наступательного клина, то во вспомогательных боях, которые, кстати, не менее кровопролитны и изнуряющи. Позади освобождение Лохвицы и Лубны, Прилук и Пирятина, Миргорода и вот теперь Переяслава. Позади десяток больших и малых рек, с болотистыми поймами либо крутыми берегами. И были не только триумфальные вступления в освобожденные города, но и тяжелейшие бои, как под Ахтыркой. Там коварный Манштейн приготовил войскам Ватутина сюрприз и двинул в контрнаступление такую армаду танков, что, казалось, никакой силы не хватит, чтобы остановить их. Пятились, зло огрызались, прогибались то на одном, то на другом участке фронта, и вместе с этим, словно в горячую струю, день и ночь молотили и молотили, превращая танки и самоходные орудия фельдмаршала в груды искореженного, в черной копоти металла. И вот теперь, боясь окружения, немцы откатывались на запад, пытались оторваться от советских войск, закрепиться на новых рубежах.

В рядах 1-го батальона, звалив на костистые плечи станину пулемета, шагал рядовой Урюпин. Раздавленное неимоверной усталостью тело под выцветшей гимнастеркой тупо ныло, а налитые свинцом ноги с трудом поднимались, загребая разбитыми сапогами пыль. Вытирая рукавом пот, Алексей лишь размазал его с обильно покрывшей лицо едкой пылью. Взглянул краем глаза на шагавших рядом бойцов, таких же бесконечно усталых, в глазах которых лишь надежда на скорый привал и хотя бы глоток воды. Батальон заметно поредел, да и как не поредеть за почти полтора месяца непрерывных боев, когда на смену погибшим или выбывшим по ранению командирам и политрукам прибывали новые, чтобы через день-другой «освободить» место взводного, ротного еще одному зеленому лейтенанту, выпускнику трехмесячного ускоренного курса военного училища.

Рядовой состав пополнили лишь раз, еще под Богодуховом, и командир роты радовался как ребенок, заметив среди трех десятков прибывших не только новобранцев, но и солдат, вернувшихся на фронт после госпиталя.

— В начале сорок третьего под Сталинградом мина взорвалась, считай, рядом. Может статься, что последняя в том сражении, к тому времени уж и сам Паулюс сдался. Садануло меня крепко, вся правая сторона размолочена, очнулся в госпитале, думал все, отвоевался. Ан нет, полгода зашивали, штопали, сделали лучше нового, и давай пыли, пехота. А тут у вас, гляжу, работы-ы... край непочатый! — говорил Суроваткину один из прибывших, узнав, что они земляки — с соседних районов Челябинской области. Семен смотрел на уральца почти с любовью, и улыбка трогала его вечно потрескавшиеся губы. Нравилось, наверное, как основательно, без суеты обживал тот свое боевое место, как бережно хранил оружие и боезапас, знал, видно, толк и в обороне, и в наступлении. Перед офицерами особо не тянулся, но и панибратства со своей стороны не допускал. Что бы ни делал: хлебал ли варево из котелка, делил ли махорку — все основательно, все с достоинством. «Хорош, землячок!» — с уважением думал о нем Суроваткин.

За изгибом траншеи дед Серега наставлял молодежь из прибывших, говорил, что в их фронтовой жизни можно, а что категорически возбраняется, знакомил со старожилками роты. Очередь дошла до Алексея: «Вон тот — долговязый, это Лешка Урюпин, второй номер при Суроваткине. Справный, я вам скажу, боец, — и, помолчав немного, закончил многозначительно, даже палец поднял: — Мой друг!»

Сквозь дрему Лешка заулыбался — так дед Серега говорил всего о четырех-пяти бойцах роты, включал сюда и ротного, и еще на Курской дуге убитого политрука. Многие значила такая высокая отеческая оценка в их фронтовой жизни, переполненной леденящим душу страхом, видом рваных кровавых ран и бесконечной усталостью. Потому как вся эта их жизнь была лишь мигом между жизнью и смертью.

Попав в роту в самый разгар нашего наступления под Курском, Лешка и сам чувствовал, что стал за эти полтора месяца совершенно другим человеком. Вползающий раньше в душу липкий страх перед боем стал другим, он вызывал лишь обостренное чувство опасности, не мешал все видеть и замечать, заставлял вертеться ужом, быть одновременно расчетливым и безжалостным.

— Не боится только псих конченый либо круглый дурак, — наставлял как-то Лешку дед Серега. — А переживать, маяться перед каждым боем, «убьют — не убьют» и вовсе дело бесполезное. Тут уж кому что на роду написано. Погибнуть, опять же, по-разному можно: либо в нору забившись и скуля от страха, либо в одной цепи с друзьями-товарищами.

— Перед боем не трястись надо, а готовиться серьезно, — вставлял свое Суроваткин. — Чтоб оружие в порядке, чтоб снаряжение подогнано. Помолиться тоже не лишним будет.

— Как это молиться? Ты, Семен, что же, верующий? — вскинулся комсомолец Урюпин.

— А мы тут все верующие: кто во Христа, кто вон, как татарин Султанка Сафин и таджик Якоби Рясулов — в Мухаммеда, кто в вождя нашего. А молиться — это, как бы тебе сказать половчее, не обязательно Всевышнего просить, это вроде как в себя заглянуть, посмотреть все ли там в порядке. Родных-близких вспомнить, кого ради ты здесь пластаешься, поговорить с ними, хоть и далеко они теперь. Друзей помянуть, с кем позавчера махорку делил, а вчера для них самолично последний окопчик-могилку отрывал. Так, значит.

Дед Серега тепло усмехался:

— Скажу отцам-командирам, чтобы нового политрука не присылали, свой есть доморощенный, да еще какой!..

Урюпин, все так же передвигая усталые ноги, оглянулся на своих друзей. В недельную щетину деда набилась пыль, и была она землисто-бурой, цвета высохшей сентябрьской степи под ногами. Суроваткин скрипнул песком на зубах, сплюнул полынную горечь:

— Ты никак приуныл, дед Серега? Целый час молчишь, хмуришься только. Ты это брось, старый, на тебя молодежь смотрит.

— Да нет, ничего вроде, Семен. По моим подсчетам, не нынче-завтра к Днепру выйдем, а немец, хоть и побитый, все же успел за него отойти. Был я еще до войны в Киеве, видел эту реку. Это, скажу я вам, ребятики, не Псел, не Ворскла, его с ходу не перепрыгнешь. Чую, немец стоять крепко будет и запросто так на ту сторону не пустит. Вот и гнетет мыслишка: немало, пожалуй, нашего брата поляжет на берегах этих.

— Слышали, что в приказе по фронту упоминали, кто первыми на тот берег выйдет, к Героям представят. Вот бы нам повезло первыми-то, — подал голос Лешка.

— Ага, для этого только самую малость и надо — на ту сторону перебраться. И замечь, Алексей, эта прогулочка будет резко отличаться от катания в парке на лодочке с девчонкой. — Дед Серега замолчал ненадолго. — Впрочем, в одном ты прав: дрейфить не надо, пусть немчура нас боится.

Суроваткин вновь попытался сплунуть и заговорил с придыханием, с большими паузами:

— В том, что и нынче мы фрицев одолеем, сомнений у меня нет... А все же, знаешь, дед, хотелось бы не только до Днепра дотопать, но хотя бы до какой-нибудь махонькой речушки немецкой... Я ведь, почитай, в этих самых краях, южнее километрах в двухстах, свой первый бой принял, а потом от Днепра до самой Волги пытался, где ползком, где шагом, а иной раз и бегом... Ничего, возьмем нынче свое... Завтра тоже возьмем...

Угадал Урюпин; дивизия их, 42-я краснознаменная, одной из первых к Днепру вышла и по приказу армии и фронта с ходу начала переправлять свои батальоны на правый берег.

Надолго запомнилась Алексею та переправа и стывшая сентябрьская вода Днепра цвета чернил, озаряемая заревом пожаров, всполохами оружейных залпов и осветительными ракетами. Их отделение вместились в углубленную рыбацкую лодочку, а на привязанный к ней самодельный плотик закрепили станковый пулемет, боеприпасы и сухой паек. Слева и справа на плотках и лодках, связанных деревянных бочках и иных подручных материалах гребли бойцы их батальона. Лешке, выросшему на берегу мелководной речушки, которую куры вброд переходят, было жутко от такого бескрайнего и, казалось, бездонного многоводья. Он закрыл глаза и уткнул лицо в спину впереди сидевшего бойца. Немцы обнаружили их уже ближе к правому берегу, а может, специально ждали, когда подплывут поближе. На скопление плотов и лодок обрушился такой шквал огня, что стало светло, как

днем. Немецкие снаряды в шепки разбивали плоты, далеко в стороны разбрасывая бревна, тела убитых и еще живых наших солдат. Транссирующие пулеметные очереди уперлись в наш десант и безжалостно рвали и калечили все живое. Разрывы слева и справа, сзади и спереди обрушивали на бойцов массы холодной воды, взрывными волнами переворачивая лодки и сметая с плотов бойцов и вооружение. Сидевший за веслами сапер, вскинулся вдруг и безмолвно повалился за борт. Клокочущая темная вода мигом поглотила его. Его место занял дед Серега, умело работая веслами, напрягая последние силы, пытался вывести лодку из зоны обстрела. Но из этого крошечного ада из вздыбленной воды, огня и крови выхода, казалось, не было.

Их перевернуло уже под самым берегом, пулемет вместе с припасами пошел ко дну, а бойцы, проплыв с десятков метров, ощутили под ногами дно.

Когда с вытаращенными от ужаса глазами Лешка, боясь утонуть в этой страшной реке, судорожно загребал длинными руками, что-то тяжелое рвануло назад левую, и мгновеньем позже обожгла боль. Но под ногами уже было дно, а впереди нарастал и ширился отчаянный рев простуженных глоток уцелевших в кровавом месиве бойцов, которые валили на песчаную открытую отмель, вгрызаясь в нее, продолжая устилать своими телами оцетинившийся огнем берег. Так зарождался один из девяти захваченных их армией плацдармов, который по мере расширения солется в единый, названный Букринским.

Подхваченный общим порывом, Урюпин закричал что-то нечленораздельное и, подхватив винтовку, ринулся вперед.

Угадал Урюпин: на правом берегу их батальон оказался в числе первых. Угадал только в этом. На том его догадливость закончилась. Сейчас, лежа на провонявшей мочой и карболкой койке прифронтowego госпиталя, он вспоминал ту неширокую днепровскую отмель, за которую они держались с мужеством обреченных. Они потеряли счет многочасовым немецким бомбежкам, артобстрелам, когда каждый метр их пятачка был усеян металлом. Простреленная Лешкина кисть, наспех заматанная грязным тряпьем, виспалилась, тупо ныла, в коротких промежутках между немецкими налетами и атаками он прижимал ее к груди и баюкал, словно ребенка.

Они были первыми, точнее — одними из первых. Дрались героически, чего уж там скромничать. К Герою представлен был лишь один — их командир роты, к сожалению, посмертно. «Долгожитель» по военным меркам на должности ротного, лейтенант Талызин командовал ими целых три месяца. Трескучие фразы о том, что любил солдат и берег их, не для его характеристики. Трусом не был, это точно. А еще поровну разделял с ними и окопно-походную жизнь и допнаек свой офицерский. Перед тем как поднять их в последнюю контратаку, внимательно оглядел сгрудившихся возле него бойцов, сказал осипшим голосом: «Ну, что, кажется, братцы, вот он, наш «последний и решительный». Держаться вместе, раненых не бросать. Дед, если что — за меня останешься».

К лейтенанту ползли раненые. С простреленными ногами Суроваткин просил с придыханием: «Лейтенант, прикажи, чтобы меня на плацпалатке... к бугорку вон тому... и «дегтарь» чтобы... я смогу...» Боец, из-за потемневших бинтов которого смотрел единственный колючий злой глаз, просил умоляюще, словно хлеба христарадничал: «Дай, будь человеком, дай пару гранат всего, сам видишь, отстрелял я свое...» Урюпин, руку которого практически разнесло, неловко пытался примкнуть одной рукой штык. Невыносимая, дергающая боль отдавалась в голове, туманя временами сознание. Не страх, а приподнятая отчаянность владела сейчас им. Он оглянулся на остальных и понял: невидимую черту переступили все...

Дед Серега после гибели Талызина принял остатки роты, затем командовал теми,

кто остался в живых от батальона и был представлен к званию Героя. В вышестоящих штабах вспомнили, что новоиспеченный комбат, в прошлом капитан-лейтенант Северного флота, в прошлом зека, напросившийся из лагеря на фронт, в прошлом боец штрафбата, не обошли вниманием, наградили медалью «За отвагу» и повысили в должности: от рядового бойца до командира стрелкового отделения.

Сердце тоскливо заныло: «Где ты теперь, дед? Шагаешь, поди, месить осеннюю непролазную грязь, наверное, за Киевом уже? А может, привалившись к сырой стенке окопа, вглядываешься серыми теплыми глазами в лица молодых пацанов из пополнения, учишь, как жить на войне и как на ней выживать? О ком сегодня ты говоришь со значением — «мой друг»?

«А друзья твои, дед Серега, ныне в госпитале, дрыхнут почему зря, — продолжал мысленный разговор со старшим товарищем Лешка. — Семен Суроваткин вон в соседней палате лежит. Постояльцев этой палаты «химиками» зовут, потому что у них на стене таблица Менделеева висит. Что за таблица, сам я до недавнего времени не знал, но разъяснили люди образованные, из сопалатников, был-де такой ученый, шибко умный, вещества разные в колбочках смешивал. А нас «писателями» зовут, у нас на всех стенах портреты великих писателей висят в рамках. Ну, этих-то я знаю. Не всех, правда. На то, что нас «писателями», а чаще «писака́ми» зовут, мы не обижаемся. Как тут обижаться, если на всю палату из восемнадцати душ я один ходячий, остальные все «в утку» ходят. А то ведь, что еще удумали, пронумеровали палаты, как бывшие классы в школе, и на нашу палату номер 13 выпал. Я, дед, признаться, уже третий раз этот номер на двери втихаря стираю. Ребята просят, как откажешь...

Ну, так вот, докладываю тебе, дед, про Семена. В том бою, ты помнить должен, надежно он нас прикрыл с «детярем», только вторично ранен был и через пару часов отправлен с очередной партией на правый берег. Ранен был в самую что ни на есть незащищенную часть пулеметчика, в задницу, стало быть. Срезало ему осколком часть ягодицы, чистенько так срезало, словно верхнюю корку с арбуза. Но поправляется он быстро, шкандыбают уже по коридору, костылями гремит. Да что я тебе говорю, сам знаешь, Семен у нас парень кряжистый. Приковывал вчера, в коридор вызвал, глаза эдак в пол опустил и виновато так просит: «Леш, а Леш, не сочти за труд, взгляни, чо там у мене сзади, порядок али нет?» Ты, дед, знаешь, в бою он иной раз так разорется, таким забористым матом крыть начнет, немцы во вторых траншеях слышат, а тут такой ласковый. Стянул, значит, кальсоны и показывает мне это произведение. Я давлюсь смехом, рассматриваю и ему докладываю, что все в порядке полном, хоть на выставку достижений народного хозяйства. А какая там достиженья? Одна ягодица вполовину меньше, скукожилась вся, и доктор, видать, попался иль молодой, иль спирту хлебнувший, края кожи стянул и такой шов сотворил, что стежки, словно пьяные, вкривь и вкось, друг за дружки заплетаются.

Суроваткин кальсоны натянул и шипит: «Еще друг называется? К нему с просьбой деликатной, а он скалится!» Пообмяк потом, когда у окошка закурили и говорит: «Да хрен с ней, с задницей этой! Она и нужна-то только, чтобы сидеть на ней. Мы ж, Леха, не танкисты, не летчики какие-нибудь. Мы за пулеметом на брюхе лежим, на кой ляд нам попа?»

Февраль 1944 г. Урюпин и Суроваткин тряслись в попутной полуторке, которая везла их в сторону передовой, и чувствовали себя вполне счастливыми людьми. Еще бы не радоваться! Были благодарны армейскому начальству, настоявшему отправлять в глубокий тыл только тяжелораненых, а таких, как Лешка и Се-

мен, оставшая в прифронтовых госпиталях в полосу наступления армии. Это была мечта большинства излечивающихся бойцов — попасть из госпиталя в родную часть, а не на переформирование и в маршевую роту. Были благодарны старшему лейтенанту-артиллеристу из соседнего полка, взявшему их на эту полуторку. Укрывшись брезентом, притулились между снарядами ящиками и задним бортом, молчали, каждый думая о своем.

Урюпин вспоминал госпиталь и молчаливую, никогда не улыбавшуюся медсестру Машу. Лешкины, на его взгляд, безотказные приемы произвести впечатление на девушку и завязать более тесное знакомство успеха не имели. Когда она окончательно сник, вдруг сама пригласила погулять в пригоспитальном саду.

— Да ты не пыжься так, Алеша. Сама вижу, хороший ты парень, и мысли у тебя не подленькие, — глянула снизу вверх темными усталыми глазами, по рукаву больничного халата погладила. — Знал бы, сколько здесь вас было, есть, сколько еще будет. И все хорошие, всех пожалеть хочется, рук не достанет обнять всех. Ты вот лучше постарайся уцелеть, выживи для начала. Война кончится, будет время осмотреться, найти, что на сердце ляжет. Еще вспоминать будешь, как хорошо гуляли в саду с тобой, а не байки среди солдат травить о том, как переспал с медсестричкой, дурочкой доступной.

Потом они еще не раз гуляли в саду. Лешка, сам удивляясь, рассказал о себе, кажется, все, даже то, что и вряд ли следовало. Она все больше молчала и лишь порой кроткая улыбка трогала рот и теплели глаза. Отдельных сопалатников, пытавшихся с нескрываемым интересом и завистью узнать подробности их отношений, Лешка после первой же встречи осадил так, что навсегда отбил охоту обсуждать данную тему.

Суроваткин, прознавший от друга о характере их встреч, заметил коротко: «Хорошая девушка, не обижай...»

Вспомнились доктора госпиталя, главный хирург и лечащий. Главный, Осип Семенович, с волнистой, зачесанной назад шевелюрой, крючковатым носом и маслянистыми глазами... Максимов. Внимательно осмотрев изуродованную нагноениями, мерзко пахнущую руку, он только и сказал лечащему: «Не затягивайте, Виктор Петрович, не затягивайте. Здесь все ясно. Я еще удивляюсь, как гангрена до сих пор не охватила всю руку. Парень гниет заживо, не ампутуруем кисть сегодня, завтра потеряем бойца».

— Не-а, не согласный я... я ж молотобоец, мне две руки нужны, не надо резать, — умоляющий Лешкин взгляд переходил от одного доктора к другому.

— Тебе, молотобоец, перво-наперво выжить надо, а уж потом о работе думать.

— Осип Семенович, я бы все-таки попробовал восстановительную операцию. Разумеется, само проникновение в этот гнойник опасно, но организм у парня крепкий, да и у нас есть на этот счет некоторый опыт.

— Риск осознаете? До экспериментов ли ныне? Впрочем, голубчик, вам виднее, только не затягивайте, счет уже не на часы идет — на минуты.

Операция была длительной и Лешка, измученный постоянной болью, которая лишь слабо притуплялась выпитым спиртом, частенько впадал в беспамятство. Приходя в себя, скулил и плакал. Именно скулил, а не выл и не орал от нестерпимой боли, которой, казалось, не будет конца. Не мог он громко заявлять о своих страданиях, потому как дал обещание доктору терпеть все ради спасения руки.

А в это время, склоняясь над крепко привязанной к столу Лешкиной рукой, колдовал Виктор Петрович. По крупицам заново собирал кисть, очищая от гноя и скверны сохранившиеся косточки, сшивая сухожилия и изъеденные разложением ткани.

Трясаясь в полуторке, Лешка вспомнил всегда строгое лицо доктора с прямым удлиненным носом и вечную сосредоточенность в жгуче-темных минда-

ледяных глазах. А еще раннюю седину на выглыбывающих из-под белой шапочки висках. И слова при выписке: «Вот, собственно, и все, боец Урюпин, руку сохранили, кисть, правда, до конца разгибаться вряд ли будет, но основные функции налицо. Повоюешь еще. Вожжи в обозе для рук твоих сейчас самое подходящее применение, а там, придет время, и за наковальню станешь, молотобоец ты наш».

— Не-а, в обоз успеем еще, товарищ военврач третьего ранга, мы пулеметчики.

Не все встречи в госпитале были, однако, приятными. Колочий холодок и жгучую обиду оставила встреча с особистом. Откуда он свалился на Лешкину голову на вторую неделю пребывания друзей в госпитале, было невдомек, но его красивое, улыбочивое лицо, полноватую фигуру и офицерскую форму с иголки он запомнил надолго. Именно с приятной улыбки и душевного голоса началась их беседа. Лейтенант явно располагал к себе, и Лешка рассказал ему все: и как чуть не умер от страха в ледяной днепровской купели, и как воевал на плацдарме, и как его, порой терявшего сознание, с безобразно распухшей рукой переправляли на левый берег. Как вновь испытал животный страх, когда немцы долбили из орудий и их паром чудом держался на плаву.

— А теперь я тебе все расскажу, герой хренов, — зашипел вдруг особист, и его улыбочивое лицо вдруг исказила гримаса лютой злобы и презрения к собеседнику. — В первый же день на том берегу ты прострелил себе руку в надежде шкуру свою спасти. И не пытайся мне врать, я тебя насквозь вижу. У тебя типичное ранение самострела. А на наш берег тебе улизнуть в тот же день не получилось, попросту не на чем было. И это ничего, что с момента самострела время прошло и теперь ни следа пороховой гари, ни ожога не заметно. Я в два счета докажу, что ты трус и сам себе руку прострелил!

Лешку пробил пот, он судорожно хватал неммым ртом воздух и никак не мог вставить хоть слово в свое оправдание. Неожиданно его взгляд остановился на новом, без единой складочки мундире особиста, и он начал приходить в себя. Одновременно в душе закипала злость к этому чистенькому лейтенанту.

— Трус, говорите? А вы сами сходите на тот берег, на отмель ту, поспрошайте там, что да как. Если только в живых кого из нашего батальона найдете. Не видел я там трусов, среди ребят наших, и сам, если бы не ранение в первые часы, в воде еще, оттуда ни за что не ушел бы. Не знаю, каков на том свете ад, не умирал покуда. Только точно знаю, что не страшнее он, чем тот пятачок днепровский.

— Да как ты смеешь! Ты с кем разговариваешь? Да я только вчера с того берега, сам в контраката ходил! Да я тебя! — лейтенант судорожно расстегнул свой китель, и Лешка увидел аккуратно спеленатую бинтами грудь.

— Извините, товарищ лейтенант, мундир ваш шибко чистый в сомнение ввел. А вы, значит, только с того берега? Как там держатся наши?

— Ты мне зубы не заговаривай, — понемногу успокаиваясь, заявил особист. — Говори толком, кто может подтвердить, что рану в бою получил?

— Да Семен Суроваткин из палаты «химиков», я в его пулеметном расчете вторым номером. Еще в последней по коридору палате справа связист лежит, Василием зовут, фамилия Ткаченко. Нас вместе с ним комбат еще нырять заставил за пулеметом утопленным. Какое там достали?! Глубина такая, что дна будто вовсе нет и вода холоднющая, аж жуть. Но наныряться до посинева. С Василием мы в последнюю контракатаку рядом шли. Помню, лихо он штыком работал, до того как в него немец чуть ли не в упор стрельнул. Грудь вылетел, а Васка еще метров двадцать бежал. А как немцев отбили, мне же его и переть до своих окопов пришлось. Васька боров тяжелый, а у меня одна рука тока рабочая, упарился с ним.

— Ладно, разговорился больно. Кругом у тебя одни герои. Разберусь сам, и если соврал хоть на каплю, смотри!

Особист исчез так же внезапно, как и появился. С Василием и Семеном, как позднее узнал Урюпин, разговор он имел, но заглянуть после этого к Лешке не посчитал нужным.

Суроваткин, тогда еще лежачий, позвал к себе, успокаивал:

— Что поделаешь, работа у него такая — подозревать всех. Радуйся, что пронесло, кажись.

— Паскудная эта работа. Я что, сам выбирал места для ранений? А он еще кичится, что лично на плацдарме в атаки ходил! Неужто не стыдно огулом всех в трусы записывать. Перед теми, кто на том берегу poleg, стыдно должно быть!

Лежавший на животе Семен вывернул неловко руку и притянул Лешкину голову к себе. Зашептал горячо: «Ты заткнешься когда-нибудь, или нет? Прикуси язык, тебе говорят, правдоискатель чертов!..»

Суроваткин положил руку на Лешкино колено и взглядом указал на обочину дороги справа. Огромное, упиравшееся в два различимые вдаль увалы, поле открывалось взору. Поле, с рваными остатками нерастаявшего снега, исполованное танковыми гусеницами, испятнанное большими и малыми воронками, поле хлебобоба, ставшее в этот час полем боя. Жуткую картину недавнего сражения невозможно было охватить одним взглядом, и он скользил от растерзанной, расстрелянной в упор нашей автоколонны из двух десятков машин к раздавленной батарее сорокапятков, от разбитых в хлам немецких танков и бронетранспортеров к искореженным нашим тридцатьчетверкам. Одна из них застыла совсем рядом с дорогой, словно выпорхнула на взгорок и замерла, вперив ствол пушки в тот край неба, где заходит солнце. «...ский колхозник», — белела сквозь копоть надпись на необгоревшей части брони.

«Видать, встречный бой танковый. С самого Курска такого видеть не приходилось», — подумалось Суроваткину.

Среди скопления искореженного, кое-где еще исходящего жирным чадом металла, неспешно передвигались бойцы похоронной команды, вытаскивали из сгоревших наших и немецких машин останки, складывали на брезент и волокли к центру, к огромной воронке, которую другие уже ладили под братскую могилу. «Бр-р, ну и работенка, не приведи Бог», — Лешку пробрал озноб, и тут же мысль некстати: — «Стоп, а как же это — и тех, и других в одну могилу? Да, нет, сортируют каким-то образом, наверное». И тут же другая мысль и новая волна озноба по телу: «Ага, как же, отсортируй попробуй на брезенте эти головешки обугленные!»

— Ну, вот, а нам твердили, что победоносное, стремительное наступление повсюду. Да тут, Леха, пока продвинешься, каждый метр кровью зальешь. Ты смотри, чо он паразит вытворяет, не просто огрызается, а дерется, словно за свою избу цепляется.

— Да-а... может, зря мы торопились, могли бы спокойно еще пару недель в госпитале поваляться.

— Слабая у тебя, боец, арифметика получается, в школе, наверное, на двойки учился. Две недели? Это же надо такое придумать, — готовый рассердиться Суроваткин взглянул Урюпину в глаза и увидел в них бесенят, разглядел подначку, успокоился. — Да-а, в госпитале оно, конечно, недурно. Только вот тут кому быть? Вместо того вон Вани, которому не то пензенские, не то тамбовские колхозники танк подарили. Так-то, брат...

...**Апрель 2015 г.** Алексей Урюпин вошел в свой кабинет, привычно положил старый, выдавший виды портфель на приставной столик и уселся в кожаное кресло. Понедельник. Ряд телефонов выстроился в ряд. Из-за неплотно прикрытой двери доносился едва слышный звон чашек. Сейчас войдет секретарша и принесет ему утренний чай. От привычного кофе пришлось отказаться еще два года назад — сердце. Уточнит относительно обычной в этот день расширенной планерки. И планерка эта пройдет, как принято у всех строителей, с неизменными пристранными выволочками одним, нагоняями другим. И как всегда, шумный на-снаб будет ссылаться на необязательных поставщиков и костерить их; начсбыт, полная противоположность первому, лишь немногословно будет сетовать на снижающийся процент реализации сданного уже жилья, а прижимистый, да что там — скряга сущая, главбух Вера Ивановна будет беспомощно разводить руками, ссылаясь на отсутствие так необходимых нынче денег на счетах, и, как всегда, ей никто не поверит. И закончится все до банального привычно, словами хозяина кабинета: «Все! Все по рабочим местам, а вы (далее фамилия одного, нынче самого нужного сотрудника) задержитесь».

— Ольга Дмитриевна, пригласите ко мне к девяти начальника компьютерного центра, его, кажется, Сергей зовут? А участников планерки предупредите, что соберемся на полчаса позже.

Секретарша вскинула брови — даже малейшее нарушение привычного графика рушило и ее график, согласно которому время планерки являлось привычным для нее временем, называемым у всех молодых красивых девушек «почистить перышки». Да и про центр этот, созданный еще лет семь назад, и о начальнике его шеф вспоминал нечасто. То ли привык работать по старинке, то ли из-за нежелания показать свою слабую компетентность в делах компьютерных. Вот и прозябали гранды отечественной компьютеризации, чаще всего уткнувшись сосредоточенно в мониторы, в своей «виртуальной нереальности».

— Да ничего проще, — заявил полноватый, с нечесаными волосами и серыми под толстыми линзами очков глазами Сергей. — Сейчас в инете сайтов и форумов об участниках войны навалом. Набираем, к примеру «безвозвратные потери» и ясно, где воевал, где погиб, где похоронен. А еще в «подвиг народа», это если был представлен к награде. Можно еще на форумах поисковиков, или там, где история отдельных соединений. Знать только необходимо точные данные об имени, фамилии, и год рождения.

— Хорошо, хорошо, Сергей. Я тут сам посмотрю, а если что, обращусь за помощью.

Уже через десять минут монитор высветил фрагмент донесения о безвозвратных потерях 42-й краснознаменной Прилукской дивизии за ноябрь 1944 года, где в числе погибших значился Алексей Урюпин из села Красный городок, 20 лет, и место его захоронения — Венгрия, городок Тисавашвари.

«Вот значит как? Мы-то считали, что в первые годы войны погиб, а ты вон до самой Венгрии дошел, и до Победы всего полгода не дотянул». Строки плыли перед глазами. «Надо же, Венгрия. А я ведь был там, дядь Леш! Давно, правда, в советские времена, молоденьким прорабом еще. Строили там фабрику в городе-побратиме Толна, а венгры — у нас гостиницу. Ее и сейчас, по старинке, «Толна» называют. Прости, не знал тогда. Съездил бы непременно на могилку...» И тут же вопрос, уже не к дядьке, а к себе самому: «Не знал или не очень-то и хотел знать?» Совесть замямлила невнятно: «Да, знаешь, все как-то... то времени... то заботы разные... И-ех!» — Алексей Михайлович уронил голову на руки и, стиснув зубы, беззвучно заплакал.

...Сентябрь 1944 г. Ночь. Одна из фронтовых ночей для наших героев выдалась теплой и звездной. Темноту лишь изредка нарушали всполохи сигнальных ракет да вспарывали «дежурные» очереди пулеметных трассеров. Вообще, здесь, в Румынии, как заметил Лешка, сентябрь был по-летнему жарким, а ночь мягкой и теплой. Да, так вот случилось! Думалось ли ранее, что война доведет до границы, а земля от Курска, через всю Украину и Молдавию, протопанная тобой, останется позади. Их гвардейская дивизия одной из первых во всей Красной Армии выйдет к границе и ступит в Европу. Да... тут, однако, пока до границы доперли, хватило лиха. Сразу, как вернулись с Суроваткинским из госпиталя, в самое пекло Корсунь-Шевченковской операции попали. Немцев, без малого 60 тысяч человек, 5 пехотных и две танковых дивизий заперли тогда на площади в 450 квадратных километров войсками фронтов Ватутина и Конева и начали их систематическое уничтожение. Командующий окруженцами-немцами генерал Штеммерман не захотел ответить на предложение сложить оружие и сохранить жизнь десяткам тысяч немецких солдат, а свел их в ударный кулак и двинул на прорыв. О том, что он полоумный, посчитали не только советские бойцы, но и немцы по ту и другую сторону котла. Однако Штеммерман слушал обещания о помощи своего такого же полоумного фюрера, заявлявшего, что «он может верить ему как самому себе...», он верил фельдмаршалу Манштейну и генералу Бенке, заявлявшим, что идут к нему на прорыв с несметными танковыми колоннами. Все было тщетно, Штеммерман устал телами своих солдат смерзшуюся февральскую землю на юге Украины и сам погиб при попытке прорыва 17 февраля 1944 года.

Впрочем, нашим бойцам от того было не легче, фашист был еще очень силен и дрался с фанатизмом обреченного. На второй день, в очередной контратаке, здоровенный, заросший и закопченный немец почти в упор выпустил в Лешку очередь из шмайсера, наступил грязным сапожищем на свалившегося ему под ноги Урюпина и рванул дальше. Далеко, правда, уйти не смог. Боец Венцов Ефим Тимофеевич, которого вся ротная молодежь считала за старика (был он 1904 года рождения), вскинул винтовку и с колена всадил пулю аккуратно в затылок, под обрез немецкой каски.

Ротный санитар Иван Синельщиков перепачканными в грязь и кровь руками кое-как забинтовал плечо Алексея и затаскивал его на плащ-палатку. Подбежал Суроваткин, спросил упавшим голосом: «Ну, чо там? Живой?»

— Живой вроде, и задело никак только в плечо, да ключица еще, вишь, торчит разбитая. Если еще где — в санбате разберутся. Шчас не поймешь ни хрена, кровича вона и на спине, и на портках. Разберутся в санбате. Давай, Семен, не стой столбом, подсоби.

Лешка, однако, пришел в себя, видно, болевой шок прошел, а раны действительно были не смертельные. Он оперся на здоровую руку и сел на плащ-палатке. Перед глазамиплыли круги, в правом плече пекло, и болезненно в такт толчкам крови бухала боль, но жить было можно. Он попросил Семена свернуть самокрутку. Тот повеселел: «Ты чо, Леха, совсем охренел, пугать так! Ладно, давай вставай помаленьку и в тыл двигай. Вань, а Вань, чтобы все было, как положено: доведи, сбереги и вне очереди на обработку устрой. Ты меня не первый день знаешь, магарыч за мной».

— Не суетись, почем зря, Семка, сами знаем, чо и как. Леха — наш парень, не один месяц с ним солдатскую лямку тянем. Где вот только тылы эти искать, перемешалось все. Ну, да ничо, авось найдем.

Сейчас, навалившись на теплый бруствер окопа, Лешка вглядывался во вражеский край обороны, но рассмотреть при вспышках осветительных ракет удавалось лишь сплошные ряды колючей проволоки и брустверы взрытой земли. «Завтра вновь бой, вновь вставать с рассветом и переть на эту проволоку». Там, под

Корсунью, он действительно легко отделался. Раздробленная ключица срослась, а мягкие ткани плеча затянулись. Всего с месяц и провалялся в прифронтовом госпитале. «Что вот завтра нас ждет?»

— Что, Лешка, не спишься? — подошедший Суроваткин опустился рядом на дно окопа. — Оборону здесь румыны держат. Вояки те еще. Иной раз пачками сдаются. Да у них справа, а главное, сзади немцы: хочешь не хочешь, а драться будут. Солдатское радио доносит, что полк наш не на главном направлении наступает, так что надеяться на солидную артиллерийскую подготовку не придется. На штурмовую авиацию — тем паче. Выходит, Лешка, только на свои силы — дивизионные. И село это придется брать без танков и серьезной артиллерии. Название у него странное — Сочи. Так же, как город у нас на Черном море. У меня там брательник старшой перед самой войной в санатории отдыхал, сталевар он у меня известный. Не слыхал? Про него в газетах писали. Как они там теперь? Маманька как? — замолчал надолго. — Тяжко ей, поди. Старший, надо полагать, сутками на заводе, а она одна. Среднего из нас, братьев, еще в сорок втором, подо Ржевом... Он в семье в любимчиках ходил. В школе на одни пятерки учился и стихи писал. Хорошие стихи, правильные. Только я, балда, ни одного не запомнил. — Суроваткин вновь замолчал, потом резко встал, зло затоптал окурки:

— Мурноно мне что-то ныне, не спишься, не сидишься. Кисет почти до дна выкурил, во рту польнь одна. Родня отчего-то вспомнилась опять же, — придвинулся вплотную, в глаза заглянуть пытаюсь. — А может, ничего, Леха? Может, пронесет нынче, а? Как думаешь?

— Да, ты чо, Сень? Это куда-то тебя понесло? Да ты сам подумай, у нас с тобой и дедом Серегой Курск позади, Днепр, Корсунь опять же. Я уж про другие бои и не помню. А тут деревушка какая-то румынская. Да хрен с ней, пусть хоть Царьградом зовется. Ты лучше глянь, кругом одни виноградники, а значит, по подвалам вина — реки. А что, мне позавчера ихняя ракия, или как там ее, дюже понравилась, особенно холодненькая, с подвалу. И забориста, не то что шнапс у немчуры.

— Ну тебя к лешему! Я ему про бой завтрашний, а он про житье-бытье, жратву-питье!

— Да ладно, чего расшумелся? Деда вон разбудишь, он тебе мозги вправит. А коли кошки скребут, помолись под утро, сам ведь учил, оно и отпустит.

— Вот это уже интересно, стóящий, надо сказать, совет дает мне комсомолец Урюпин, который и в партию уже заявление подготовил! Ладно, схожу к ротному, может, он чего дельного скажет.

Семен ушел, а тревога осталась. Непрошенная, с ознобом, щемящая тревога скользнула куда-то за грудину и угнездилась там.

— Такие вот дела, молодой человек. — Дед Серег, оказывается, не спал и слышал их окопный разговор, укрывшись по обычаю шинелью.

— Завтра чтоб от Семена ни на шаг, глядеть в оба, коли что, подсобишь ему. Что-то не нравится мне нынче наш герой, точнее, его настроение.

Атака началась удачно. Проволочные заграждения преодолели сравнительно быстро: частью через проделанные еще ночью саперами проходы, частью забросав приготовленными досками и собственными шинелями. А вот дальше наткнулись на такую стену огня, что пришлось залечь. Особенно крупнокалиберный пулемет из дзота досаждал на левом фланге. Бьет непрерывно, головы не поднять, комсает все живое. А местность — взлобок открытый: ни ложбинки, ни кустика. Тут еще минометы принялись гвоздить; то слева, то справа слышались вскрики раненых.

Суроваткин озирался по сторонам, ища спасения от губительного огня, матерился беззвучно. Лешка заметил, как, забрав у соседей гранаты, в сторону дзота

уполз Мита Потин из соседнего звзда, его одногодок, немногословный, дикова- того вида мордвин из-под Саранска.

Отползли и они, стали устанавливать пулемет на станину. «Щас, я вам, суки, заткну глотки, щас вам жарко станет, в бога, в душу...» — рычал Семен. Разор- вавшаяся рядом мина чувствительно толкнула Урюпина взрывной волной и ко- мьями земли. Он ошеломленно взирал на солдатский свой ремень, словно брит- вой разрезанный осколком, и фляжку, располосованную посредине, из которой вытекала вода. Только через мгновенье обратил внимание, что Семен, не проро- нив ни звука, заваливается на бок. Наверное, тот самый осколок, что попортил Лешку снаряжение, ударил ему под ребра и вышел под левой лопаткой.

Лешка тряс друга, звал к жизни, но тот лишь смотрел своими серыми, еще не замутившимися смертью глазами в небо, да алая струйка крови стекала из уголка потрескавшихся губ.

Подползший санитар Синельщиков деловито снял сумку, рука, двинувшаяся внутрь ее, замерла на полдороге: «Эх, Сеня, Сеня!» Подполз Соколов, взглянув на безжизненное тело Суроваткина, глухо застонал, скрежетнул зубами, уронил боль- шую свою голову на руки. Синельщиков указал на запекшуюся у него на виске кровь, полез в сумку за бинтом.

— Потом, — отстранил его дед Серега, — потом, Ваня.

Урюпин тем временем, не обращая внимания на фонтанчики пуль и осколков, пятнавших землю рядом, привстал на колени, напряженно высматривая что-то во вражьей обороне. — А-а, вона вы где, значитесь! Ну, держись, падлы, конец вам сейчас будет! — Вскочил и рванулся к первой траншее.

— Лешка, черт, куда тебя?! — остался позади крик деда. Урюпин не слышал и не мог уже слышать ничего в грохоте боя. Его налитые красной мутью глаза виде- ли только одно — два строения на окраине села под красной черепицей и периоди- ческие дымки выстрелов миномета. Его кривившийся рот плевал проклятия и страшные ругательства. Упал перед самой траншеей. Вовремя. Поверх головы очередь и рой пуль. Швырнул в траншею гранату и вновь рванул вперед. Уже перепрыгнув ее, полоснул из автомата по группе румынских солдат, шарахнувших- ся по ходу сообщения влево. Не задерживаясь, рвался к тем двум домам, не обра- щая внимания на снующих рядом обезумевших румын. Его слуха достиг накатывающийся сзади гул — наши роты поднялись. У самого сарая остановился, чтобы унять дыхание. Из проулка вынеслась повозка с группой солдат и офицером во главе. Ездовой, раздирая лошадям рты, пытался вывернуть их на центральную улицу села. Лешка бросил оставшуюся гранату прямо под ноги лошадям и едва успел укрыться за выступом кирпичной стены. Через секунды сквозь неосевшую пыль увидел бьющихся в построках лошадей, завалившую повозку и раненых, искалеченных солдат около. «Не до вас...» — мелькнула мысль. Лешка перемах- нул через невысокий забор и сразу полез на покрытый мхом каменный погреб, расположенный почти посреди внутреннего двора. Увидел сверху весь расчет из двух солдат и фельдфебеля, продолжавший посылать мину за миной, встал во весь рост, грозный и безжалостный. Румынский солдат, опускавший мины в тру- бу, не дождавшись от подносчика очередного снаряда, оглянулся, и так же, как первый, медленно стал вставать с колен, поднимая вверх руки. Фельдфебель еще раз скомандовал, рубанул рукой, но привычного выстрела не последовало. Огля- нулся и поспешил к своим подчиненным. Все трое сгрудились у своего орудия с поднятыми вверх руками, взирая на этого сумасшедшего русского, из ствола ав- томата которого на них смотрела сама смерть. Лешка возвышался над ними, в расхристанной гимнастерке, серый от пыли и копоти, с грязными полосами на лице не то от слез, не то от пота. А в глазах плескалась такая ненависть, что румы- ны поняли — пощады им не будет.

— Что? Дождались, сволочи?! Вот вам за Семена! — и нажал на спусковой крючок. Он давил на спуск до тех пор, пока автомат не смолк, изрыгнув из себя последние пули.

Солдаты упали на землю, но, к удивлению Лешки, были живы. Целил вроде в их ненавистные рыла? Какая-то неведомая сила в последний миг дернула ствол чуть выше их голов и пули лишь срезали листья и ветки с плодами яблони, росшей в углу двора.

По последним выстрелам автомата, Урюпин понял, что это не он остановил стрельбу — патроны кончились. И подсумок пуст, и гранат нет больше, но страха, что безоружен перед тремя врагами, не почувствовал. Спрыгнув с погребя, пинками и зуботычинами заставил румын снять со станины миномет; все это, включая наполовину пустой зарядный ящик, взвалить на спину и двигаться в наше расположение. А по улицам села всюду валила наша пехота, короткими очередями прокладывая себе путь. Из подвалов и щелей вытаскивали румынских вояк, сбивали в кучи и гнали бегом на восток. Лешку разыскал дед Серега, чуть не отвесил затрещину, остановил руку на полпути, наорал только, что в следующий раз самолично ужокошит, коли тот отмочит что-либо подобное.

Навстречу с группой бойцов выскочил командир соседнего взвода, младший лейтенант Ключкин, которого Лешка, как земляку из Тамбова, тем более однокласснику, позволялось звать попросту Василием.

— Молодчина, земляк! Ну, ты, Леха, даешь... видел, как ты рванул, думал, срежут тебя, а ты вон живой, да еще и с трофеями. Ну, бывай, вечером встретимся.

...**Апрель 2015 г.** Алексей Михайлович Урюпин, уединившись в кабинете, всматривался в экран компьютера, строки подчас плыли, и тогда он тщательно тер глаза и толстые линзы очков. Перед ним была сканированная копия приказа №034/н от 5 сентября 1944 г., в которой от имени Верховного Совета Союза СССР командир 127-го гвардейского полка подполковник Середа награждал своих бойцов медалью «За отвагу», за бои по взятию селения Сочи в Румынии 23 августа и за отражения немецкого контрнаступления там же через пять дней — 28 августа 1944 г. Список бойцов состоял из 46 человек и почти в конце его запись о награждении «стрелка 1-го батальона гвардии рядового Урюпина Алексея Михайловича за то, что при занятии с. Сочи захватил минометный расчет противника. 1925 г. рождения, русско-го, чл. ВЛКСМ, призванного в РККА Тамбовским ГВК 14.03.1943 г.»

«Геройским ты был у нас, дядя Леша. Впрочем, какой дядя Леша? Тебе же тогда только 19 исполнилось. Мой старший сын сегодня на десять лет тебя, того фронтового, старше, да и младший уж перерос годами. Да-а. Интересно, кто рядом с тобой был, когда шли вы в ту атаку? Здесь же все однополчане твои. Судя по всему, ребята не робкого десятка...»

Алексей Михайлович обратил внимание, что в списке награжденных 4 санитара только 1-го стрелкового батальона, которые вместе оказали помощь и вынесли с поля боя 88 бойцов и офицеров. «Это раненых, а убитых? Боже мой! Сколько же вас полегло там, ребятки, под селом этим румынским, захват и удержание которого, наверное, ни в одну сводку выше дивизии не попали».

Сердце стучало все чаще, и за грудиной начало давить немилосердно. Алексей Михайлович машинально достал из внутреннего кармана нитроглицерин, так же машинально сунул таблетку под язык. А перед глазами продолжали плыть строки приказа...

Ноябрь 1944 г. Через три месяца батальоны 42-й гвардейской дивизии вышли к Тисе. Толкнулись было форсировать реку с ходу, малыми группами и в разных местах, но получили удар такой силы, что поняли: немцы и венгры построили по

правому, возвышенному берегу Тисы серьезнейшую линию обороны. Особенно воинственно настроены были мадьярские части. Что ж, их можно было понять: победоносное шествие с гитлеровскими войсками довело их до Воронежа, до Сталинграда. Они дошли до великих русских рек Дона и Волги, теперь война пришла в их дом. И этот дом горел, рушился. Что ж, господа, за все грехи в этой жизни надо платить.

Нынче утром Лешку, а также еще двух пулеметчиков батальона Гаврюху Прыщенко и Филиппа Сидоровича Кыдюка вызвали в штаб полка, где с ними имел беседу их бывший комбат, недавно назначенный замом по строевой к командиру полка Серее майор Дряпа.

— Здравствуй, Филипп Сидорович, Гаврила, Алексей, проходите, присаживайтесь, — жгуче-карие глаза майора лучились радостью. С новой должностью, видать, еще не освоился, вот и не скрывал эту самую радость. Ведь перед ним сейчас были его родные, батальонные, с которыми от Курской дуги до Карпат топал.

— И тебе быть здорову, Леонид Иванович, — Филипп Сидорович, ровесник века, самый старший, пожалуй, в их батальоне боец, один из немногих позволяя обращаться к Дряпе не по званию. Не только возрастом, но и своей неутомимостью, надежностью, что в обороне, что в наступлении, заслужил такое право этот крепкий солдат с вислыми запорожскими усами, словно с известной картины сошедший.

— Как, гвардейцы, к форсированию очередной преграды готовы? — бодро начал майор, но тут же посуровел. — Судя по всему, венгры и немцы будут сопротивляться отчаянно. Да им ничего и не остается. Тиса — это их последняя серьезная водная преграда перед Будапештом. У нас Карпаты позади, нам сейчас дай только за Тису на равнину вырваться, мы в пару дней под стенами их столицы будем. Смекаете, бойцы, стратегию, важность текущего, так сказать, момента?

— Леонид Иванович, тебя вроде в замы по строевой определили, а не по политической? Чегой-то ты нас агитировать взялся. Важность текущего момента я 22 июня сорок первого понял, хлопчики вот чуть позже, под Курском, но тоже в батальоне, почитай, из самых бывалых.

— Это верно, Филипп Сидорович, взрослеем быстро, воевать учимся тоже не медленно, только и это от потерь не спасает...

Лешка внимательно смотрел на майора, не очень вникая в сказанное им. Вчерашний их комбат был в дивизии человеком известным, слыл отчаянным и одновременно думающим командиром. Если и не Герой еще, то это лишь благодаря собственной строптивости, возмутительной способности все приказы вышестоящих начальников переиначивать по своему усмотрению. Поэтому чаще всего, когда одних хвалили, его строго спрашивали, почему он, такой-разэтакий, вопреки приказу повел батальон не по гребню, а по ложине. Ну и что, что высоту взял? Попробовал бы не взять! Тогда бы вообще другой разговор был и, главное, последствия.

Из потомственных казаков станицы Батайской, Дряпа подчеркнуто предпочитал носить кубанку, из-под которой свисал волнистый, смолянисто-черный чуб. Менял ее на полевую фуражку только при вызове в штаб дивизии, либо по приезде большого начальства в расположение батальона. Что случалось нечасто, видно, по причине их большой занятости в разработке великих стратегических операций. С командиром полка Сереей Дряпа, что называется, был одного поля ягоды. Подполковник воевать начал в гражданскую, когда майор еще в люльке пузыри пускал. И свой первый орден получил за бои под Ростовом, где рубился, предположительно, с дядьками Дряпы, воевавшими на стороне денкинцев. Что, впрочем, в их взаимоотношениях никак не влияло на сыновнюю преданность одного и отеческую заботу другого.

— Так вот, предлагаю переправлять станковые пулеметы в числе первых на более надежных плавсредствах, а таковыми нынче у нас рыбацкие лодки являются. Подумайте, как их укрепить на носу лодок. Как только немцы обнаружат десант, открыть огонь по передней линии, по его точкам огневым. Начать давить на них надо еще с воды, но не ранее обнаружения противником.

— Товарищ майор, а как артподготовка? Солидной будет или только так, для виду? — не выдержал, подал голос о наболевшем Прыщенко.

— Будет, хлопцы, и артиллерия будет, и штурмовики проутюжат передний край. Вы же знаете, они сейчас наловчились обрабатывать немецкий край в двух-трех сотнях метров от наших цепей. Все будет, да только не вам мне прописные истины говорить: занимать этот край все одно пехоте придется, а за ним — другой, третий, десятый, коли потребуется.

Друзья повеселели, приосанились, засобирались «домой», в батальон.

Выходя из блиндажа, увидели Соколова в распахнутом на широкой груди ватнике и привычной под ним тельняшке.

— Что, морячок, сияешь, как новый пятиалтынный, никак Середа трофейным коньяком угостил? — спросил Филипп Сидорович.

— Все, братва, все! Прощай пехота-матушка, вспомнили, наконец, вспомнили про капитан-лейтенанта Соколова. Сам адмирал Горшков, однокашник мой по училищу, в Севастополь зовет. Середа только что предписание вручил!

— Да, ты что? Неужели правда, дед Серега? — лицо Гаврюхи расплылось в улыбке.

Лишь Лешка стоял ошеломленный новостью, взирал на Соколова с тоской и горечью. Дед заметил это, примолк. Видел сам, что с гибелью Суроваткина тот старался быть ближе к нему, словно искал защиты в этом страшном мире войны, страданий и крови. Подошел, приобнял Лешку:

— Что приуныл, Лексей Батькович! Куда ж вы без меня... Вот переправлю вас на тот берег, немчуру с тех бугров скинем, тогда уж и рвану к морю синему, к морю теплому. Упросил командира полка повременить с отъездом до конца операции.

Урюпин ткнулся лбом в дедову широкую грудь, крепко обнял, а когда поднял лицо, оно расплывалось в довольной и глуповатой улыбке...

Вой грохотал уже не один час, с рассветом немцы шли уже в третью атаку, пытаясь сбить наши батальоны с берега. Шли под прикрытием танков и самоходок, казалось, не было силы сдержать их. Лешка вместе со своим вторым номером Юдиным менял позицию, уползал на левый фланг к подножию небольшой высоты. Уроки погибшего друга не прошли даром. Он старался забраться повыше, иметь преимущество. Но приглянувшееся местечко было занято солдатами в мышастых шинелях, то ли немцев, то ли венгров; то ли просочившихся сюда вновь, то ли не успевших отступить при первой нашей атаке. Лешка молча указал на гранаты, и они одновременно с Юдиным метнули их во вражеский окопчик.

— Ну вот и ладненько, а то расселись тут, воркуют хрен чо поймешь, — крижистый второй номер деловито выталкивал за бруствер безжизненные тела фашистов из тесного окопчика.

Приладив пулемет и зарядив ленту, Урюпин осмотрелся.

— Мать честная, посмотри, Колян, красотища-то какая, мы тут, как боги, выше всех!

— Эт точно! Главное, и танки сюда вряд ли заберутся!

Лешка отметил, что два станкача с нашей стороны работали слаженно и деловито. «Прыщенко с запорожцем Филиппом стараются. Ничего, ребятки, щас я вам подсоблю». Дал пристрелочную очередь, поправил прицел и врезал длинной

убийственной струей свинца по скопившейся вражеской пехоте. Заставил залечь, а затем и поползти назад. Выдвинувшиеся танки, два из которых были подбиты пэтээровцами, не разворачиваясь, задом также стали отползать.

Прильнувший к биноклю подполковник Середа с час назад переправившийся с остатками полка на правый берег, спросил у командовавшего на плацдарме Дряпы:

— Кто это у нас там? Раньше вроде не было никого?

— Урюпин! Точно он, больше никому! Ну, Алексей, удружил, молотобоец!

В наступившем коротком затишьи Лешка услышал не то стон, не то плач за кустами сзади. На дне глубокой воронки от авиабомбы нашел съезжившегося в комочек солдата. Тот, обхватив голову руками, вздохнул и плакал, причитая: «Ой, мамынька, мамынька родная...»

Лешка узнал в нем бойца из прибывших с последним пополнением в роту.

— А ну, кончай скулеж! Ты как здесь оказался, откуда?

— Бежал и бежал со всеми вместе... ночью еще... потом, гляжу, а я один, и немцы кругом...

Лешка твердо намеревался отвесить солдатику увесистую затрещину, действительное, надо признать, в подобной ситуации средство, но передумал, себя вдруг вспомнил и свой первый бой.

— Тебя как зовут, малец? Юра? Ну, так вот, Юрок, кто тебе сказал, что все кончено? Самое интересное только начинается. Ну, видишь, дали им в рыло, и они обратно уползли. А еще ползут, а ползут они точно, еще раз кровавой юшкой умоются... Делом лучше займись. На-ка вот, снаряжай ленту патронами.

Наблюдая неотрывно за передним краем, Урюпин краем глаза заметил, что солдатик успокоился, и даже руки, снаряжающие пулеметную ленту, трястись перестали. Вон уже и с Юдиным о чем-то перешептывается, и заулыбался. «Зелень, пацан — третья парта, второй ряд... Постой, да он же всего на год-полтора меня младше. Отчего же мне кажется, что меж нами десяток лет разницы? Представляю, кем я ему кажусь, коли «дяденькой» называл.

— Ну, что, Юрок, оклемался малость? А теперь, боец, как, кстати, фамилия? Ротмистров? Охренеть! Что ж ты, зараза, с такой фамилией по кустам прятался?

Юдин за живот схватился, присел на корточки на дно окопа.

— Так вот, рядовой, нет, правильнее — гвардии рядовой Ротмистров, слушай боевой приказ. Видишь, вон там, на берегу, между сваями моста взорванного и зелеными кустами... Правее смотри. Там КП батальона, надо передать донесение. Какой тебе еще пакет, губошлеп, на словах передашь, что нас тут двое всего, пусть хоть с десяток бойцов сюда перебросят. А главное, патронов пусть побольше передадут.

Во время четвертой атаки Лешка медлил с открытием огня, выжидая, когда немцы с мадярами окажутся ближе к линии нашей обороны. Уже их танки и самоходки вплотную к окопам подошли, а его пулемет все молчал.

— Что у него, заело там, что ли, или патроны кончились? — не на шутку обеспокоился подполковник Середа. В тот самый момент с левого фланга зарокотал пулемет и его кинжальный огонь сразу заставил наступавших ткнуться лицом в землю.

— Молодец, сынок! Соображаешь! — заключил Середа и попросил соединить его с левым берегом, со штабом дивизии. Разговор с начальником штаба вышел на повышенных тонах. Набычив бригау голову, Середа рычал в трубку, забыв о всякой субординации:

— Полк шестой час без перерыва бьется, четвертую атаку отбили. Следующие отбивать придется только штыками. Вы что, не видите ничего? Гаубичная где,

штурмовики где? Откуда он новые танки берет? Да ударьте же, наконец, по их тылам. Хотя бы по тому лесу, что передо мной. До него всего три километра!

— Видим все, Степан Дмитриевич, чего раскричался, — сквозь треск послышался голос начштаба. — При первой возможности поможем. А пока приказ прежний: держаться, насмерть стоять. По возможности расширяйте плацдарм, маневрируйте силами.

О том, что пора менять позицию, Лешка еще до Середы понял, но все медлил, надеясь на то, что солдатик с такой военной фамилией Ротмистров доставит сюда патроны. Или кто-то другой, кто догадается об их положении.

— Все, мотаем отсюда, — крикнул он Юдину, когда немецкие мины начали густо ложиться вокруг их окопчика. Им удалось все-таки уползти из этого смертельного мешка и затаиться в реденьком кустарничке. Оба были ранены, к счастью, легко: у Лешки пробило навывлет мякоть голени, у Николая осколком разодрало щеку, и она обильно кровоточила. Перевязались, помогая друг другу.

— Слышь, старшой, а ведь, кажись, и взаправду поляжем мы тут...

— Не каркай, посмотри, что там у нас с патронами.

Прибыла, наконец, подмога. Почти одновременно приползли повара-связисты Дряпы, отделение деда Сереге. Вместе с последними прибыл и Ротмистров с двумя цинками патронов.

В разбитый КП подполковника пришел майор Дряпа с трофейным немецким автоматом за плечом, левая рука обмотана еще не успевшим загрязниться бинтом. Перехватив взгляд командира полка, сказал глухо:

— Был я у него полчаса назад. Ранен он сильно, вряд ли выживет... Что, Степан Дмитрич, бросили нас, значит?

— Ты это сейчас только понял? — по привычке Середа оглянулся, не подслушивает ли кто. Подслушивать было некому. Все вокруг было искорежено, перепахано снарядами, продолжало дымиться.

— К чему ж мы ребят своих здесь положили? — в голосе Дряпы клокотали злость и досада. — К чему?

— Вон для чего, — указал Середа рукой туда, откуда доносился несмолкаемый гул сотен орудий, а хвостатые огненные кометы множества «катюш» вспарывали небо. Признаки огромного, сотрясающего землю наступательного сражения поступали с левой стороны, с правой и даже откуда-то далеко с запада.

— Так что, как видишь, сынок, операция и впрямь успешно складывается. А немцев больше не жди, Леонид, не полезут они больше. Им сейчас не до нас уже.

Дед Серега смог прийти на высотку, когда бой уже утихал и лишь два-три минюмета методично продолжали слать мины на позиции полка. Зря боялись немцы. Преследовать их попросту было некому, во всяком случае, со стороны устоявшего, но не выжившего плацдарма русских.

Лешка лежал, уткнув голову в землю перед пулеметом, накрытый шинелью, дышал прерывисто. Чуть в стороне, раскинув руки, навек застыл Юдин.

— Не трогайте его, — осунувшийся, совсем не похожий на себя утреннего, жестко произнес Ротмистров.

Соколов отвернул шинель: удивляясь, не смог разглядеть ни ран, ни кровотечений.

— Осколок у него в спине, вся нижняя часть отнялась. Да, был уже и санитар, и фельдшер после приползал. Только пошевелят, он сразу вскрикнет и сознание теряет.

— Давно он так?

— Не помню я, сколько времени прошло. После ранения еще две атаки немецкие были, это я уж ему без Юдина помогал. А он стрелял и стрелял...

Урюпин, очнувшись, медленно поднял голову, приоткрывшиеся глаза потеплели, узнал деда. Закушенные до крови губы даже подобие улыбки тронуло.

— Вот... дошли мы, значит, до речек... немецких... Как и просил... Семен, — уронил обессиленно голову.

Соколов по одному взгляду на лицо друга понял, что тот отходит.

Лешка затих, так и не очнувшись более. А рядом, на бруствере пулеметного ровика, сидели Соколов и Ротмистров, обессиленно опустив руки и головы вниз. Старый солдат и совсем молодой, за один день повзрослевший, с затвердевшими скулами и суровыми недетскими глазами. В душах не было ничего — ни радости, что выжили, ни решимости мстить и ненавидеть.

Дед Серега толкнул локтем Юрку, указал взмокшими вдруг глазами на неподвижное тело, произнес, как что-то доселе неведомое: «Лешка Урюпин... Мой друг!»

Через три дня, вечером, при свете коптилки, составляя с замполитом полка сводку о потерях и награждениях, командир 127-го гвардейского полка Середа в числе других подписал представление о присвоении пулеметчику Урюпину Алексею звания Героя Советского Союза. Не посмертно, нет. Живому. Просто не знал старый подполковник, что его боец к тому времени уже умер от ран.

...9 мая 2015 г. Утро выдалось ясным, на небе ни облачка, и под стать ему, чистому и светлому, настроение людей, медленнодвигающихся в многолюдной колонне по центральной улице областного центра. Колонна часто останавливалась, по дороге в эту нескончаемую людскую реку вливались все новые потоки с примыкающих улиц. Алексей Михайлович обратил внимание, что в этом огромном шествии не было, как в прежние годы, заорганизованности и обязаловки, люди шли по своему внутреннему душевному велению. Шел «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК», и его бойцы взирали со старых фотографий. И через семь десятков лет «ИХ ПОМНИЛИ, ИМИ ГОРДИЛИСЬ».

Рядом с Алексеем Михайловичем шли его внуки Витька и Митька. На их плакатах не было фотографий, там была увеличенная, аккуратно заламинированная копия представления их прадеда к званию Героя Советского Союза. Их одноклассники с любопытством и завистью всматривались в строки, которые гласили, что «Урюпин Алексей, 19 лет, ...под сильным минометным и ружейно-пулеметным огнем противника 6.11.44 одним из первых форсировал реку Тиса. Будучи еще в лодке, он открыл огонь из пулемета по траншеям противника на правом берегу реки, что привело гитлеровцев в паническое бегство. При поддержке пулемета т. Урюпина стрелковое подразделение быстро и с малыми потерями овладело траншеей противника первой линии... Во время контратак крупных сил пехоты и танков противника, он из своего пулемета вел смертельный огонь по наседавшим гитлеровцам. Им было уничтожено до взвода солдат и офицеров противника... В разгар боя т. Урюпин был ранен, но не оставил поля боя, а продолжал косить пулеметным огнем контратакующую пехоту... За проявленную стойкость и отвагу тов. Урюпин достоин награды — звания Героя Советского Союза. Командир 127-го Гвардейского стрелкового полка подполковник Середа. 10.11.44».

Позвонил старший сын из Москвы, после поздравления с Днем Победы сообщил, что договоренность о встрече Урюпина-старшего с руководством московского заказчика достигнута, проект контракта на строительство крупного животноводческого комплекса у них в области в целом согласован. Встреча и подписание контракта назначены на 12 мая.

— Молодец, Владимир, молодец. Только вот что: тебе придется задержаться в Москве еще на недельку, завершить все переговоры и самостоятельно подписать контракт.

— Бать, ты что, приболел? С мамой все в порядке?

— Все у нас нормально. О прибавлении в нашем семействе уже слышал? Племянник у тебя родился.

— Знаю уже, Ромка звонил. И все-таки для меня неожиданно как-то с твоим отсутствием на подписании.

— Ничего, управитесь там без меня. Ты вот лучше помоги. Сразу после праздника поезжай в визовый отдел венгерского посольства на ул. Мосфильмовской, 62. Там для нас с мамой должно уже быть приглашение от главы муниципалитета города Тисавашвари г-на Миклоша Молнара. Копии всех документов мама тебе на электронную почту сбросила. Постарайся не затягивать, и в зависимости от сроков оформления визы, закажи нам билеты на самолет до Будапешта. Все, давай, до свидания. Что? Как Витька с Митькой? Да, все у нас хорошо. Мы вместе сейчас, при делах грандиозных... особой важности делах.

— Деда, а деда, ты чего это улыбаешься? Папка что-то смешное сказал по телефону? — подергал за рукав Витька (а может, Митька).

— Не совсем, — ответил Алексей Михайлович.

Он вспомнил утренний звонок Романа, его звенящий от счастья голос и сообщение о рождении первенца. «Ты представляешь — три восемьсот и рост 53 см! Спроси у мамы — это много или мало? Нет, ну ты представляешь, бать? Сын у меня! Что? Как Надежда? Молодчина Надежда! Сама справилась... Нет, ну ты представляешь, бать! Внук у тебя! Внук! Как назовем? Бать, ты же знаешь, планировали Геннадием, сегодня утром была мысль Виктором, «победителем», значит, поскольку в День Победы на свет родился. И все-таки в свете, так сказать, последних событий, твердо решили — быть ему Алексеем. И Надежда согласна. Ты что там умолк, бать? Это же в твою честь и в честь деда Алексея, что с войны не пришел. Бать, молчишь, спрашиваю, чего? Радоваться надо! Лешка Урюпин на свет появился!»

